

политика

А.Р.Третьяк

КЛАССОВЫЙ ПРОЕКТ MULTITUDE

Артур Романович Третьяк — аспирант Школы философии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: assefir@mail.ru.

Аннотация. Популярный в политической философии концепт «множество» (multitude) вошел в политический словарь современности во многом благодаря усилиям итальянского философа Антонио Негри. Работа, проделанная им в 1980—1990-е годы, породила синтетическую философскую теорию, рассматривающую множество в качестве ключевого элемента политической борьбы левых сил, тем самым дав теоретический импульс возвращению к, казалось бы, уже забытым понятиям политической философии. В статье предпринята попытка проанализировать становление политической логики множества, показав, как данный феномен стал частью марксистской критики современного общества.

В первой части статьи демонстрируется, как из материалистической интерпретации Бенедикта Спинозы вырастает идея множества как позитивного элемента политики. По оценке автора, своей интерпретацией Спинозы как «дикий аномалии» Негри заложил теоретический фундамент, на котором зиждется весь современный дискурс множества. Концептуализация различий между понятиями *potentia* и *potestas* позволила развести множество и народ: в отличие от народа как элемента *potestas* — политической власти, которая опосредует отношения между людьми, вводя принцип трансценденции в виде репрезентации и фигуры суверена, множество с его коллективной мощью-*potentia* воплощает коллективный план имманенции, сопротивляющийся репрезентации, то есть не нуждающийся в ней субъект учредительной власти.

Вторая часть статьи посвящена анализу классового подхода к осмыслению множества, появляющемуся в работах Негри, написанных в соавторстве с Майклом Хардтом, где онтология множества трансформируется в политический проект, базирующийся на понимании класса как политического субъекта, противостоящего глобальному капиталистическому миропорядку.

Ключевые слова: множество, политическая философия, Антонио Негри, Бенедикт Спиноза, Империя, класс

Введение

Популярный в политической философии концепт «множество» (multitude) вошел в политический словарь современности во многом благодаря усилиям итальянского философа Антонио Негри. Работа,

проделанная им в 1980—1990-е годы, породила синтетическую философскую теорию, рассматривающую множество в качестве ключевого элемента политической борьбы левых сил, тем самым дав теоретический импульс возвращению к, казалось бы, уже забытым понятиям политической философии. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать становление политической логики множества, показав, как данный феномен стал частью марксистской критики современного общества.

¹ *Третьяк и Тинус*
2019.

В статье, написанной в соавторстве с Никитой Тинусом¹, я уже обращался к проблематике множества в политической мысли. Однако там я сосредоточился на анализе того, как функционирует логика множества в трудах Томаса Гоббса и Бенедикта Спинозы, являющихся, по выражению Паоло Вирно, «приемными отцами» соответствующей доктрины². Классическая доктрина множества представляет первичную логику существования многих в политической реальности. Политический статус множества можно выразить словами Никколо Макиавелли: «А кто возьмется управлять множеством (E chi prende a governare una moltitudine) в форме свободной республики или в форме принципата и не обезопасит себя от противников этого нового режима, тот обречет его на короткую жизнь»³. То есть главная проблема заключается в том, как обуздать эту хаотическую материю, как контролировать ее движение. В основе классической доктрины множества лежит именно проблема управления (governare) множеством. Этой доктрине я противопоставляю современную доктрину множества, в рамках которой ставится вопрос о формировании политического субъекта. В упомянутой выше статье этот подход к множеству уже был обозначен, но сейчас я сконцентрирую внимание на его сущности.

² *Вирно 2013: 10.*

³ *Machiavelli 2018: 360.*

XX столетие ознаменовалось всплеском интереса к феномену масс, у истоков которого стоял Хосе Ортега-и-Гассет, обративший внимание на вторжение масс в общественную жизнь⁴. В разнообразных исследованиях данного феномена мы находим аргументацию, связанную с представлениями об анонимной толпе, о торжестве «среднего человека». Его выход на историческую сцену не несет с собой развития культуры, массы суть психологический и социальный продукт индустриального общества, разрушающий классическое противопоставление высокой и низкой культуры. Массы, безусловно, составляют политическую проблему и в теоретическом, и в практическом плане. Однако они не могут быть ни объектом, ни субъектом политической жизни. Этот момент четко фиксирует, в частности, Жан Бодрийяр: «Масса парадоксальна — она не является ни субъектом (субъектом-группой), ни объектом. Когда ее пытаются превратить в субъект, обнаруживают, что она не в состоянии быть носителем автономного сознания. Когда же, наоборот, ее стремятся сделать объектом, то есть рассматривают в качестве подлежащего обработке материала, и ставят целью проанализировать объективные законы, которым она якобы подчиняется, становится ясно, что ни обработке, ни пониманию в терминах элементов, отношений, структур

⁴ *Ortega-i-Gasset*
2002: 15.

⁵ Бодрийяр 2000: 37. и совокупностей она не поддается»⁵. В работе Бодрийяра «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» осмысление массы достигает теоретического пика: масса предстает неуловимой материей, философским понятием, отражающим кризис социального вообще. Как бы мы ни старались четко определить ее политически или социально, наши усилия обречены на провал. Она сама себя не выражает, лишена голоса, который позволил бы ей быть политическим агентом, и любые попытки прояснить ее желания сродни гаданию. Социология массы, согласно Бодрийяру, невозможна: «Масса не обладает ни атрибутом, ни предикатом, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность, или радикальная неопределенность. Она не имеет социологической „реальности“. У нее нет ничего общего с каким-либо реальным населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью»⁶. Таким образом, проблематика массы заходит в теоретический тупик. Но не является ли возвращение темы *multitude* ее продолжением?

По мнению Негри, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным, ибо множество не равнозначно массе: «Сущность массы в неразличимости: все черты своеобразия погружены в массу и скрыты в ее толще. Все цвета населения перемешаны до серой однородности. Массы способны двигаться в унисон лишь потому, что составляют расплывчатый, единообразный конгломерат. В множестве же социальные различия сохраняются»⁷. И если проблема массы и массового человека сводится к идее пассивного механизма, который производит движение людей в политическом пространстве, то множество есть креативный элемент, способный на созидание, и в этом заключается его важное концептуальное отличие от массы. Как справедливо замечает Кам Шапиро, в трудах Негри (в том числе написанных в соавторстве с Майклом Хардтом) «множество предстает... как двигатель исторических перемен, динамическая сила „освобождения“, вокруг которой реактивно объединяются силы суверенной власти, но которую им никогда не удастся остановить»⁸.

Марксизм, следуя революционной традиции, апеллирует к массам как к драйверу социальных изменений. Настоящая статья призвана продемонстрировать, что благодаря усилиям Негри аналогичный теоретический поворот происходит применительно к множеству. В первой ее части будет показано, как из материалистической интерпретации Спинозы вырастает идея множества как позитивного элемента политики. Это позволит зафиксировать отличие концепции Негри от классической доктрины множества. Во второй части я сфокусируюсь на анализе классового подхода к интерпретации множества, получившего наиболее полное выражение в совместной работе Негри и Хардта «Империя: 20 лет спустя»⁹.

**«Дикая аномалия»
Спинозы
и проблема власти**

¹⁰ В настоящей работе я использую в основном английскую версию этого текста (Negri 1991), обращаясь к итальянскому первоисточнику (Negri 2006) лишь для уточнения отдельных терминов.

¹¹ Morfino 2014: 228.

¹² Goddard 2011: 116.

¹³ Morfino 2014: 228.

Новое концептуальное оформление политической проблемы множества выросло из критического прочтения философии Спинозы, представленного в книге Негри «Дикая аномалия: сила метафизики и политики Спинозы»¹⁰, вышедшей в 1981 г. До этого момента теоретическая работа с понятием «множество» практически отсутствовала. Не связывалось оно и с именем Спинозы. По справедливому замечанию Витторио Морфино, до 1981 г. в литературе о Спинозе понятие множества не фигурировало как центральное для его политической теории¹¹. С публикацией труда Негри ситуация изменилась. Повторно открыв концепт *multitudo* как существенную часть философского наследия голландского мыслителя, своей интерпретацией Спинозы как «дикой аномалии» по отношению к философской традиции XVII в. Негри заложил тот концептуальный фундамент, на котором зиждется весь современный дискурс множества.

Как подчеркивает Майкл Годдард, «Негри обращается к Спинозе не как к простому дополнению марксистской мысли, и еще в меньшей степени им движет сугубо эпистемологический интерес к забытому эпизоду в истории философии, пусть даже и материалистической. Напротив, он всегда погружается в мысль Спинозы, особенно в ее онтологических измерениях, с целью выявления ее аномальности по отношению как к своему времени, так и к нашему собственному»¹². Аномальность Спинозы проявляется в попытке построить философскую систему, основанную не на трансценденции, а на имманенции как взаимосвязи бытия и действия. Это подразумевает постановку в центр философской системы понятий, описывающих функционирование мира как того, что уже находится в едином и открытом пространстве вместе с познающим субъектом, который активно вовлечен в этот мир.

В своем прочтении Спинозы Негри выделяет две фазы, или основания (foundations), его творчества. Это два разных уровня развития мысли голландского философа, затрагивающие не только разработку ключевых понятий, но и саму динамику его рассуждений. Поскольку над своим главным трудом — «Этикой» — философ работал долгие годы, в нем можно найти положения обоих типов. Резюмируя логику Негри, Морфино пишет: «Мысль Спинозы идет по четко определенному эволюционному пути — от ранней, пантеистической фазы („первое основание“, как называет его Негри, локализуется в первой и второй частях „Этики“) через кризисную фазу („Богословско-политический трактат“) к материалистической („второе основание“ в третьей и четвертой частях „Этики“ и в „Политическом трактате“), которую Негри трактует как собственно спинозовскую аномалию»¹³.

В первой фазе появляются важные концепты, определяющие материалистическую метафизику Спинозы, — *conatus*, *potentia* и др. Негри рисует картину противостояния метафизики Спинозы другим современным философским концепциям, в которых доминирует трансцендентное, указывая на особое понимание им категории бытия как имманентного уровня, где каждая вещь стремится сохранить себя.

Бытие характеризуется как *potentia* (мощь), поэтому в нем самом присутствуют борьба и напряжение. Иными словами, бытие не задается некоей внешней Идеей или трансцендентным источником, оно задается самим собой: «Между тотальностью и модальностью нет никакого посредничества, есть только напряжение; нет никакого абстрактного, трансцендентного подчинения, есть только напряжение самого бытия»¹⁴.

¹⁴ *Negri 1991: 43.*

Все бытие, по Спинозе, это субстанция, Бог, но при этом Бог не управляет миром, он и есть мир, он ему имманентен. Бог является имманентной, а не внешней причиной всех вещей¹⁵. Тем самым голландский философ утверждает мир имманентности, в котором бытие выражает само себя. В противовес платоновской диалектике Единого, он не предполагает строгой иерархии. Вот как описывает этот мир Жиль Делёз в своих лекциях о Спинозе: «На самом деле, если нет Единого, превосходящего бытие, и если „бытие“ говорится обо всем, что есть, и обо всем, что есть, в одном и том же смысле, то вот это мне и казалось ключевой онтологической пропозицией: нет единства выше бытия, и, коль скоро это так, „бытие“ говорится обо всем, о чем оно само говорит себе, то есть обо всем том, что есть, обо всем „бытийствующем“ в одном и том же смысле. Это — мир имманентности. Этот мир онтологической имманентности есть мир, в сущности, антииерархический»¹⁶.

¹⁵ *Спиноза 2016: 54.*

В онтологии, где отсутствует строгая иерархия, сходным образом должен разворачиваться и политический план, или мир праксиса. Отсюда такой исследовательский интерес к понятию *potentia* — к мощи, потенции, которая оптимизирует отношения между индивидами, сингулярностями не с точки зрения трансценденции Единого, но в формате онтологического равенства, когда, по выражению Делёза, «самый разумный человек в мире и набитый дурак строго соответствуют друг другу»¹⁷.

¹⁶ *Делёз 2016: 76.*

¹⁷ *Там же: 61.*

Особого внимания заслуживает предложенная Негри концептуализация различий между понятиями *potentia* (мощь) и *potestas* (власть). Первое понятие непосредственно относится к самой субстанции и ее разворачиванию в мире праксиса, i.e. мощь — это прежде всего мощь Бога. Принцип *potentia* касается оснований реальности как проявление различных ее уровней: «Проблема динамики тотальности предполагает, в сущности, что понятие мощи берется не только в своей активной актуальности, как сущностный принцип самооснования бытия, но и в своей широкой актуальности, как принцип артикуляции разных уровней реальности»¹⁸. В свою очередь, *potestas* связывается Негри с возможностью политической власти, которая опосредует отношения между людьми, вводит принцип трансценденции. Иначе говоря, здесь постулируется отрыв власти от реальности, от бытия; вместо мощи как силы бытия, к которой может быть причастен любой человек, мы получаем власть, стоящую над человеком и принижающую его в рамках отчужденной тотальности. Забегая вперед и несколько упрощая, можно сказать, что Негри фиксирует тут два уровня политических теорий: с одной стороны, Спиноза с его упором

¹⁸ *Negri 1991: 51.*

на *potentia* как силе бытия, возможности свободы без опосредования, с другой, политическая философия *potestas*, где доминирует идея высшей власти как возможности подчинения и установления порядка.

¹⁹ См. Negri 2006: 108.

Подчеркивая аномальность Спинозы, Негри вводит понятие спинозизма как идеологии (*lo spinozismo come ideologia*¹⁹), используя его для обозначения конгломерата идей, постулирующих примат рынка, сильного государства и граждан, заключающих общественный договор и подчиняющихся ему. По справедливому замечанию Годдарда, «для Негри спинозизм как идеалистическая, буржуазная интерпретация мысли Спинозы неразрывно связан с возникновением буржуазной идеологии, утверждением свободного рынка и государства и оправдывающей их философии. Начиная с Гоббса, через Руссо, Канта и до кульминации в Гегеле спинозизм является искажением мысли Спинозы, вместо упразднения опосредования и трансценденции настаивающим на них»²⁰. На фоне доминирования спинозизма, в рамках которого идет разработка концептуального аппарата для описания связи между государством, правом, индивидом и рынком, аномальность Спинозы просматривается особенно отчетливо. Негри показывает, что философия Спинозы содержит в себе громадный потенциал свободы, который присутствует еще на уровне метафизики. Свобода выражается в проявлении человеческой мощи, *potentia*, что, как мы увидим далее, имеет прямое отношение к понятию «множество». Философия Спинозы стремится к сохранению этого потенциала свободы, в то время как идеология спинозизма направлена на то, чтобы «растворить человеческую мощь в мире власти и господства»²¹.

²⁰ Goddard 2011: 120

²¹ *Ibid.*: 121.

Материалистический поворот

Вторая фаза развития творческого проекта Спинозы включает в себя дальнейшее углубление материалистического взгляда на устройство мира. Из проведенного Негри анализа третьей и четвертой частей «Этики», где рассматривается проблема аффектов, вырисовывается новый образ Спинозы как философа, разбирающегося в человеческих страстях. Этот момент, сопряженный с уяснением природы человека, связи тела, разума и аффектов, станет ключевым для осмысления материалистического основания философии Спинозы. Как указывает Годдард, «это второе основание является для Негри коперниканской революцией, которая вместо объяснения существования модусов через понятие субстанции начинает с самого существования модусов, чтобы выстроить идею субстанции. Таким образом, основой оказывается именно тело и его аффекты, а не субстанция»²². Наконец, именно в рамках обсуждения второго основания мы встречаем понятие «множество», которое конституирует коллективный план имманентности.

²² *Ibid.*: 122.

Интерес Негри к этому понятию обусловлен желанием еще раз подчеркнуть аномальность Спинозы и его отличие от современных ему философов, прежде всего от Гоббса. Индивидуализму последнего он противопоставляет признание голландским мыслителем коллективной

сущности человека: «Материалистическая детерминация конститутивного процесса фактически определяется этой дополнительной модальностью — коллективом, множеством. С исторической точки зрения разрыв с жестким индивидуализмом, типичным для мыслителей XVII в., особенно для Гоббса, становится тотальным»²³.

²³ Negri 1991: 135.

Итак, первое обращение Негри к проблематике множества связано с радикально-материалистическим прочтением философии Спинозы. Понятие множества возникает из концептуализации природы человека, его коллективной сущности в противовес индивидуализму договорной теории гражданского состояния.

Теперь следует задаться вопросом: каков историко-философский контекст проблематики «аномальной» философской системы Спинозы? Выделяя в истории философии материалистическую линию, развивающую идею освобождения человека от оков, навязанных трансцендентной моделью власти и подчинения, Негри противопоставляет ее буржуазной идеологии рынка, государства и прав человека, где фиксируется элемент опосредования между прямой мощью человека и институтами, практиками и т.д. и план имманенции разрушается трансценденцией высшей власти или высшего закона и порядка. К этой линии он относит прежде всего Макиавелли, Спинозу и Карла Маркса как главных философов, размышлявших над развертыванием человеческой свободы в стихии имманенции. У каждого из этих философов есть своя ключевая проблематика, но для Негри важнее то, что их объединяет: «Бесспорно, Спиноза до конца остается в абсолюте производительной силы, так же как Макиавелли остается в абсолюте социальной идентичности политического, а Маркс — в абсолюте антагонизма, лежащего в основе коммунистического революционного процесса, но, конечно, не для того, чтобы просто отличить себя [от других], а чтобы указать на единство человеческого проекта освобождения против буржуазного посредничества»²⁴. Используемый Негри термин *mediation* (или *mediazione* в итальянской версии) снова возвращает нас к тому, что верховная власть (*potestas*) отрицает коллективный план имманенции. Наличие *mediation* говорит о том, что в политической практике вводится опосредование в виде различных структур и институтов; в конечном счете речь идет об установлении порядка *potestas* в противовес имманенции, связанной с *potentia*. Негативное отношение к опосредованию Негри прослеживается в рамках всего творчества Спинозы.

²⁴ *Ibid.*: 141.

Термин *multitudo* неоднократно употребляется Спинозой в «Политическом трактате», и естественно, что Негри обращается к анализу этой работы, пытаясь обнаружить в ней идею демократии множества как «абсолютной формы верховной власти» (*omnino absolutum imperium*). Несмотря на то что сам трактат обрывается на главе о демократии и его автор не успевает сказать на этот счет ничего, кроме кратких предварительных замечаний, Негри видит в нем основание демократической теории модерна. В очередной раз Спиноза предстает мыслителем, смотрящим в будущее: «ТР²⁵ — это произведение времени

²⁵ *Tractatus Politicus, то есть «Политический трактат».*

еще не пришедшего [avvenire], манифест политической мысли, обращенный к будущему, которое в XVII в. другие могли представить себе только в терминах форм деспотизма и его исправления, к будущему, приход которого Спиноза... торопит в качестве политического проекта демократии»²⁶.

²⁶ *Negri 2004: 10.*

Этот вывод может удивить читавших «Политический трактат». Первые его главы посвящены общим вопросам политической философии, и хотя почти сразу же мы наталкиваемся на понятие *multitudo*, но в ином контексте: речь идет не о метафизике коллективной власти, а об управлении множеством и способах удержания его в границах социального порядка²⁷.

²⁷ *Спиноза 2006: 250.*

В начале трактата мы не найдем упоминаний о демократии как особой форме политического режима, и большая часть работы говорит об устройстве монархии и аристократии. И все же Негри настаивает на том, что тема демократии проходит красной нитью через весь этот труд. Что же за демократию он имеет в виду? Абстрагируясь от тонкостей теоретических рассуждений Негри, можно сказать, что это коллективная мощь (*potentia*) множества: «Демократия, создаваемая Спинозой как систематическое завершение его метафизики в ТР, — это не демократия, скрывающая и мистифицирующая производственные отношения, не демократия, узаконивающая существующие политические отношения; это демократия, выводящая коллективное действие из развития индивидуальных сил, строящая на этой основе политические отношения и немедленно освобождающая их от рабства производственных отношений. При формировании мира власть индивидов формирует также социальный и политический мир»²⁸. Власть индивидов — это, конечно же, та самая мощь-потенция, которую мы уже встречали в «Этике» и на которую обращает внимание Делёз в своих лекциях о Спинозе.

²⁸ *Negri 2004: 14.*

«Политический трактат» действительно базируется на «Этике», а значит, на метафизической части философского проекта Спинозы. В первых его главах Спиноза ссылается несколько раз на «Этику» и «Богословско-политический трактат», но, стремясь представить своим читателям самостоятельное произведение, не ограничивается такими отсылками, а резюмирует и «обстоятельно доказывает» важнейшие положения своей теории²⁹. Теоретическая стратегия Негри заключается в том, чтобы не только зафиксировать этот момент, но и продемонстрировать, что «Политический трактат» является логическим завершением «Этики», что именно в нем метафизика Спинозы получает полную реализацию уже в пространстве политического.

²⁹ *Спиноза 2006: 252.*

Центральная идея, вокруг которой вращается аргументация Негри, высказывается во второй главе «Политического трактата». Как мы помним, все в природе, включая человека, стремится к сохранению собственного бытия; это стремление, *conatus*, и порождает динамику самого бытия. Бог — это субстанция, и человек является частью Бога, i.e. частью естественного порядка природы. На что же он может претендовать в этом мире и что может делать? Спиноза отвечает: «Ведь так

как Бог имеет право на все, и право Бога есть не что иное, как сама мощь Бога, поскольку она рассматривается как абсолютно свободная, то отсюда следует, что каждая естественная вещь имеет от природы столько права, сколько имеет мощи для существования и действия; ибо мощь каждой естественной вещи, благодаря которой она существует и действует, есть не что иное, как сама мощь Бога, которая абсолютно свободна»³⁰. Иначе говоря, человек наделен мощью, он действует в мире и волен поступать так, как позволяют ему его силы. Но есть и другие люди, и у них имеется собственная мощь, которая дает им право вести себя аналогичным образом. Возникает ситуация естественного состояния.

³⁰ Там же: 252.

Порождает ли это войну всех против всех, как учил Гоббс? Не совсем. Спиноза следует другой логике. Хотя, подобно Гоббсу, он обращается к концепции естественного права (*jus naturalis*), но делает из нее иные выводы, не связанные с идеей общественного договора. Для Негри это очень важный момент: «политическая мысль [Спинозы] пересекает теорию естественного права, чтобы оспорить два ее фундаментальных принципа: индивидуализм и договор. Радикально отвергая какую-либо возможность регулирования рынка между людьми посредством трансцендентных элементов, он вводит атеизм в политику»³¹. Это именно то, что делает Спинозу аномальной для своего времени фигурой. Отрицание упомянутых фундаментальных принципов имеет прямое отношение и к новой доктрине множества — коллективная мощь вместо индивидуальных стремлений и согласие вместо договора. Но как вообще возникает в рамках этой системы рассуждений коллективная мощь множества?

³¹ Negri 2004: 24.

Прежде всего нужно посмотреть, откуда берется общее. В конструкции Спинозы оно появляется не благодаря контракту (как у Гоббса), а через согласие: «если бы двое в согласии соединили бы свои силы, то вместе они могут больше и, следовательно, вместе имеют больше права в отношении природы, чем каждый в отдельности»³². Согласие же возникает из стремления сохранить себя в бытии. Ведь, оставаясь, по выражению Спинозы, своеправными, то есть разрозненными индивидами, полагающимися только на себя, люди смогут сделать очень мало, что понизит их шансы на выживание. Немалую роль здесь играет и страх, а также другие аффекты. Там, где возникает общая, коллективная мощь, возникает и общее право; в этом случае отдельный человек может делать только то, что дозволено ему общим правом, которое складывается из мощи-потенции всех людей, вступающих в зарождающееся политическое тело. И далее следует ключевое для второй главы «Политического трактата» положение: «Это право, определяемое мощью народа (*multitudo*)³³, обычно называется верховной властью (*imperium*)»³⁴. Другими словами, верховная власть, то есть власть государства, определяется через мощь множества. Данное заключение открывает возможность для объявления множества субъектом учредительной власти, что Негри и делает: «*Multitudo* становится учредительной силой. Публичное право — это справедливость множества в той мере,

³² Спиноза 2006: 256.

³³ В оригинале — *multitudinis potentia*, i.e. мощь множества.

³⁴ Там же: 257.

³⁵ Negri 2004: 16.

в какой индивиды контролируют сценарии конфликтов и коллективно обеспечивают необходимость свободы»³⁵.

³⁶ Goddard 2011: 124.

Тем самым с понятием множества происходит фундаментальная метаморфоза. Если при поверхностном чтении «Политического трактата» мы видели рассуждения об управлении множеством, то в рецепции Негри оно превращается в позитивный элемент политики. По мнению Годдарда, именно здесь кроется «ключ к спинозианскому измерению мысли Негри — позитивная интерпретация множества как конституирующей силы рассматривается им как альтернативная модель власти, реализация которой, быть может, возможна только теперь»³⁶. Действительно, коль скоро множество является субъектом учредительной власти и в качестве такового непосредственно связано с возникновением политического тела, то оно и дальше должно играть активную роль в политической жизни. Множество есть продуктивная сила, существующая в нашей политической реальности, и эту продуктивную силу можно найти.

Таким образом, материалистическое прочтение Спинозы приводит к появлению новой доктрины множества. *Multitude* концептуализируется как политический субъект, активный фактор политической жизни. Данный подход представляет собой онтологию политического, он антиисторичен по своей сути, поскольку при указанном понимании множества оно должно присутствовать на всех этапах развития политического мира. Онтология множества предполагает наличие трансцендентного элемента, это условие возникновения политического тела. Однако это лишь первое приближение к проблеме. В дальнейшем ее разработчики обратятся к актуальной политике, пытаясь показать, как множество может стать деятельным фактором в современной политической жизни.

Новая форма классового проекта

³⁷ Hardt and Negri 2019.

Подход к проблеме множества, родившийся из материалистической интерпретации Спинозы, развивается уже в течение нескольких десятилетий. Попробуем разобраться, каким образом соответствующая проблематика функционирует в политическом словаре современности, проследив, как философский проект множества приобретает живые контуры в качестве инструмента политического анализа.

В 2019 г. Негри и Хардт опубликовали в *New Left Review* статью³⁷, где попытались оценить, что насколько мир, в котором мы живем, изменился по сравнению с рубежом веков, когда вышел в свет их знаменитый труд «Империя», и не устарел ли тот концептуальный аппарат, который был использован ими при анализе и описании политической реальности. Каркас этого аппарата составляют понятия «империя», «глобализация», «кризис национального суверенитета» — и «множество».

За 20 лет, прошедшие с момента публикации «Империи», эта книга не раз становилась объектом критики, нередко затрагивавшей само ядро политической теории Хардта и Негри — концепцию Империи как

сетевой власти глобального капитала, в рамках которой появляется новый «опасный класс» — множество.

По утверждению Бориса Кагарлицкого, весьма скептически настроенного по отношению к теоретическим построениям Хардта и Негри, многие их тезисы не отвечают эмпирической реальности, поскольку строятся на неверной оценке положения национальных государств и элит, а также феномена глобализации вообще. Вопреки авторам «Империи», глобализация не снижает роли национальных государств в мировой экономике. Государство не ослабевает, а скорее «укрепляется, другое дело, что оно отказывается от своих социальных функций, становясь все более буржуазным, агрессивно-репрессивным и насквозь реакционным. Именно постоянное и возрастающее государственное принуждение (своего рода силовое регулирование общества в интересах рынка) позволяет глобализации продолжаться, несмотря на непрерывную череду экономических провалов и упорное сопротивление большинства людей практически во всех точках планеты»³⁸. В этих условиях Империя как транснациональная власть, охватывающая весь мир, предстает не более чем идеологической конструкцией. «Империи Хардта и Негри не видно не потому, что она неуловима, — полагает Кагарлицкий, — а просто потому, что ее нет»³⁹.

³⁸ Борис Кагарлицкий 2004.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. Hardt and Negri 2019: 67.

Негри и Хардт прекрасно знакомы с подобного рода критикой⁴⁰. О том, что глобализация практически мертва, либеральный международный порядок находится в упадке и национальный суверенитет возвращается в повестку дня, говорят даже на левом политическом фланге. Однако, несмотря на кризис глобальных структур, влияние Империи, по их убеждению, никуда не уходит. Кризисы, с которыми сталкивается мировой порядок, не в состоянии полностью перестроить систему *per se*, она может меняться, но в своей фундаментальной основе остается прежней. Проблема множества как особой (потенциальной) силы, существующей в рамках этой системы, раскрывает себя как идея сопротивления глобальному порядку Империи. В теоретическом плане понятие множества не теряет своей актуальности в качестве инструмента анализа современного общества. Современные социальные и политические движения отчетливо демонстрируют способность множества артикулировать себя как антиимперскую силу, альтернативный способ политической жизни и в конечном счете — политической борьбы⁴¹. Действительно, множество по своей сути есть не просто форма жизни различных людей, это политическая борьба, модус существования альтернативной политики, которую одновременно восхваляют и пытаются анализировать авторы «Империи». Именно здесь, как мне кажется, и кроется ключ к постижению места множества в построениях Негри и Хардта: множество начинает функционировать как классовое понятие, и поэтому, вопреки всей критике, свидетельствующей об эмпирической несостоятельности некоторых аргументов, ключевые тезисы остаются прежними. Проблема множества все так же стоит перед нами, поскольку

⁴¹ *Ibid.*: 68.

в мире, где в принципе есть политика и разные политические силы, всегда будет и политическая борьба.

В теоретической конструкции Негри и Хардта множество изначально выступает как альтернативная форма организации людей, вещей и потоков информации, противопоставляющая себя Империи, i.e. контр-Империя (*controImpero*), рождающаяся в недрах современного мира. Проблема множества — это не просто политологическое осмысление того, как люди собираются вместе для ведения политической борьбы, это в полном смысле политическая задача, которая заключается не только в том, чтобы противостоять разворачивающимся «процессам, но и в том, чтобы их преобразовать и перенаправить к новым целям. Те созидательные силы масс⁴², что придают жизненную энергию Империи, способны самостоятельно создать контр-Империю — альтернативную политическую организацию глобальных потоков и обменов»⁴³. И здесь Негри и Хардт занимают вполне грамшианскую позицию: чтобы побороть гегемонию Империи, необходима контргегемония, становление которой требует воспитания, культурного изменения людей. Формирование контргегемонии предполагает не столько грубую силу или прямую атаку на существующие институты, сколько морально-этическое преобразование множества, в ходе которого люди получают новые знания и представления, а также практический опыт, который позволит им совершать политические действия.

Итак, можно зафиксировать, что понятие множества функционирует как идея политической борьбы, причем направленной против конкретной политической силы — глобального капитализма в лице Империи, пытающейся использовать множество в качестве своего ресурса. Очевидно, что в рамках данной логики *multitude* предстает как замена одного из основных марксистских понятий — пролетариата, класса, находящегося в постоянном антагонизме с другим классом — буржуазией. Негри и Хардт прямо говорят, что множество — понятие классовое: «Один основополагающий подход заключается в том, чтобы воспринимать множество как совокупность тех, кто трудится под властью капитала, то есть потенциально как класс, отвергающий капиталистическую власть»⁴⁴. Разумеется, было бы неверно сводить множество к пролетариату или видеть в нем новое его именование — это не отражало бы сути политической повестки, выдвигаемой авторами «Империи». Вместе с тем множество не противопоставляется рабочему классу. Множество как политическая сила не абсорбирует революционную энергию последнего, тем самым исключая его из числа потенциальных субъектов политической борьбы. Как справедливо замечает Элия Зару, «говорить... что множество — это не только рабочий класс, не означает противопоставлять его рабочему классу. Между двумя терминами существует различие, но отсутствует оппозиция»⁴⁵. Пролетариат еще существует и остается частью системы, но он уже не является тем классом, который наиболее радикально противостоит капиталистическому порядку. «Множество — открытый и расширительный концепт»⁴⁶, — настаивают

⁴² В оригинале: «*Le forze creative della moltitudine*», то есть творческие силы множества (см. *Hardt and Negri 2002: 12*).

⁴³ Хардт и Негри 2004: 15.

⁴⁴ Хардт и Негри 2006: 136.

⁴⁵ Зару 2019: 120.

⁴⁶ Хардт и Негри 2006: 137.

Негри и Хардт; в качестве политической силы и класса множество призвано мобилизовать различные социальные группы, потенциально оппозиционные по отношению к капиталистическому порядку.

Но какова, хотя бы в самых общих чертах, природа этого нового «множественного» класса? Как подчеркивают Негри и Хардт, помимо рабочего класса, сегодня существует огромное число угнетенных групп, которые объединяет сам факт борьбы (как бы абстрактно это ни звучало), — прекариат, национальные меньшинства, ЛГБТ и т.д. Другими словами, классовый проект должен теперь учитывать не только рабочих, но и иных угнетенных, образующих множество. «Наше намерение состоит в том, чтобы развить концепцию класса, которая относится не только к рабочему классу, да и сама является множественностью, политической формацией, приносящей пользу множеству», — разъясняют они в «Империи: 20 лет спустя»⁴⁷. Сходным образом соотношение между множеством и промышленным рабочим классом трактуется и в самой «Империи». В этом контексте идея пролетариата выступает маркером социального положения и принадлежности к определенному типу труда, это и есть фиксация самого множества, которое в той или иной степени подвергается эксплуатации со стороны глобального порядка Империи. Роль промышленных рабочих при этом не принижается, но связывается с конкретным этапом в развитии общего классового проекта: «„пролетариат“ — общее понятие, которое включает в себя всех тех, чей труд эксплуатируется капиталом, все массы, охваченные отношениями кооперации... Промышленный рабочий класс представлял собой лишь частный момент в истории пролетариата и его революций в тот период, когда капитал был способен свести стоимость к мере»⁴⁸.

Новое понимание класса, которое продвигают Негри и Хардт, стремится утвердить себя как политический призыв ко всем группам, которые чувствуют себя угнетенными. Само угнетение может быть разным и, как уже говорилось, может проявляться в любых сферах жизни, будь то угнетение женщин или всевозможные формы расизма и ксенофобии. Множество есть стратегия солидаризации социальных групп, открытых для критического отношения к существующей реальности и политического действия, направленного на ее изменение.

Итак, классовый проект множества — это доктрина политического объединения групп, которые признают друг друга потенциально причастными к общей классовой борьбе. Негри и Хардт называют этот проект «интерсекциональным классом», имея в виду, что пересечение различных политических повесток в рамках одной большой идеи рождает новую политическую идентичность, которая не вступает в противоречие с теми идентичностями, из которых строится, но вместе с тем создает возможность для союза между ними. Подобный союз требует именно признания как формы артикуляции общего движения. Иными словами, имеют значение не только некие внешние признаки, например участие в борьбе против угнетения, но и внутренние установки. Для иллюстрации этого тезиса авторы «Империи» обращаются к рассуждениям Айрис

⁴⁷ *Hardt and Negri*
2019: 87.

⁴⁸ *Хардт и Негри*
2004: 370.

Янг о борьбе женщин за свои права: «Как и [Роза] Люксембург, Янг заявляет, что простой солидарности недостаточно. Фактически она призывает мужчин-социалистов признать борьбу феминисток против патриархального уклада частью их собственной социальной и политической истории. Вы не можете быть подлинным антикапиталистом, не поддерживая при этом феминизм, поскольку они взаимно конститутивны и капитал нельзя победить, не победив одновременно патриархальный уклад»⁴⁹. В данной логике и развивается классовый проект множества — это политический союз левых, прогрессивных, антиконсервативно настроенных сил, который на данном этапе является еще только политической задачей, провозглашаемой Негри и Хардтом, стремящимися в теории и на практике поменять существующую реальность.

⁴⁹ *Hardt and Negri*
2019: 90.

От Спинозы к марксизму

Резюмируя, проблему множества в современной политической философии можно представить как путь от Спинозы к марксизму. Обращение Негри к наследию голландского мыслителя объяснялось стремлением найти основания для новой материалистической философии, открывающей возможности, по выражению Морфино, для «отделения (disarticulation) онтологии от истории»⁵⁰. Это предполагало отказ от исторической перспективы и принятие онтологического взгляда на множество как на условие существования политического тела. Тем самым вновь проступала коллективная мощь множества, но уже как позитивный элемент политики. Прочтение Спинозы как «дикой аномалии» обеспечило необходимый ресурс для понимания проблемы множества в логике политического субъекта. Концептуализация различий между понятиями *potentia* и *potestas* позволила развести множество и народ: в отличие от множества с его коллективной мощью-*potentia*, народ предстал элементом *potestas* — политической власти, которая опосредует отношения между людьми, вводя принцип трансценденции в виде репрезентации и фигуры суверена. В свою очередь, множество воплощало коллективный план имманенции, сопротивляющийся репрезентации, то есть не нуждающийся в ней субъект учредительной власти.

⁵⁰ *Morfino* 2014:
231.

Явные элементы марксизма в концепции *multitude* появляются в первом совместном труде Негри и Хардта — «Империи», где четко формулируется классовый проект множества. Проблема учредительной власти становится проблемой поиска политического субъекта. Выдвижение на эту роль именно множества связано с идеей политической борьбы. Классовый проект множества разворачивается в рамках противостояния с глобальным капиталистическим порядком, именуемым Империей. Спиноза отходит на второй план, и на авансцену выдвигаются политическая борьба, демократия и труд. Существуют разные социальные группы, которые продуцируют собственную политическую риторику, тем самым создавая почву для активизма и самоидентификации. Для адекватного описания многообразия форм политической

борьбы нужна теория, способная зафиксировать некий универсальный компонент, объединяющий эти группы. В качестве такого универсального компонента и выступает множество.

В итоге возникающее здесь новое понимание класса, неся на себе отпечаток старой марксистской логики антагонизма двух классов, предполагает расширительное толкование соответствующего концепта, включающее самые разные социальные группы. Авторы «Империи» не делают акцента на «втором» классе, речь о нем вообще не идет. Этим «вторым» является глобальный капиталистический порядок, и потому противостоящий ему класс, который пытается вырваться из навязанной системы отношений, оказывается контр-Империей.

Классовый проект множества как одна из неомарксистских теорий сфокусирован на возможности политического действия, поиске общей платформы для самоидентификации и проблеме труда. В центре его внимания — принципы функционирования глобального порядка Империи и те формы жизни, которые могут сопротивляться этому порядку и создавать новые политические тела.

Библиография

Бодрийар Ж. (2000) *В тени молчаливого большинства, или Конец социального*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

«Борис Кагарлицкий vs. Олег Кильдюшов: Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя». (2004) // *Критическая масса*, № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2004/3/boris-kagarliczkij-vs-oleg-kildyushov-majkl-hardt-antonio-negri-imperiya.html> (проверено 01.06.2020).

Вирно П. (2013) *Грамматика множества: К анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Делёз Ж. (2016) *Лекции о Спинозе: 1976—1981*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Ортега-и-Гассет Х. (2002) *Восстание масс*. М.: АСТ.

Спиноза Б. (2006) «Политический трактат» // Спиноза Б. *Сочинения: В 2-х т.* Т. 2. СПб.: Наука: 247—330.

Спиноза Б. (2016) *Этика*. СПб.: Азбука-классика, Non-Fiction.

Третьяк А.Р. и Н.Н.Тинус. (2019) «Политическая логика „multitudo“ в работах Гоббса и Спинозы» // *Полития*, № 4 (95): 6—24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\)-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95)-6-24.pdf) (проверено 21.08.2020).

Хардт М. и А.Негри. (2004) *Империя*. М.: Праксис.

Хардт М. и А.Негри. (2006) *Множество: Война и демократия в эпоху Империи*. М.: Культурная революция.

Goddard M. (2011) «From the Multitudo to the Multitude: The Place of Spinoza in the Political Philosophy of Antonio Negri» // Lamarche P., M.Rosenkrantz, and D.Sherman, eds. *Reading Negri: Marxism in the Age of Empire*. Chicago: Open Court Press: 114—133.

Hardt M. and A.Negri. (2002) *Impero: Il nuovo ordine della globalizzazione*. Milano: Rizzoli.

Hardt M. and A. Negri. (2019) «Empire: Twenty Years on» // *New Left Review*, no. 120: 67—92. URL: <https://pdfslide.net/reader/f/empire-twenty-years-on-new-left-review-120-nov-dec-2019-67-michael-hardt-> (accessed 31.05.2020).

Machiavelli N. (2018) «Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio» // Machiavelli N. *Tutte le opere*. Bompiani: Il pensiero occidentale: 305—696.

Morfino V. (2014) «The Multitudo according to Negri: On the Disarticulation of Ontology and History» // *Rethinking Marxism*, vol. 26, no. 2: 227—238.

Negri A. (1991) *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Negri A. (2004) *Subversive Spinoza*. Manchester: Manchester University Press.

Negri A. (2006) *L'anomalia selvaggia: Spinoza sovversivo Democrazia ed eternità in Spinoza*. Roma: DeriveApprodi.

Shapiro K. (2003) «The Myth of the Multitude» // Jodi D. and P. Passavant, eds. *The Empire's New Clothes*. New York, London: Routledge: 291—317.

Zaru E. (2019) *La postmodernità di «Empire»: Antonio Negri e Michael Hardt nel dibattito internazionale 2000—2018*. Milano: Mimesis.

ΠΟΛΙΤΕΙΑ

A.R. Tretyak

CLASS PROJECT OF MULTITUDE

Arthur R. Tretyak — Graduate Student at the School of Philosophy of the Faculty of Humanities, Intern Researcher at the Center for Fundamental Sociology, National Research University *Higher School of Economics*.
Email: assefir@mail.ru.

Abstract. The concept “multitude”, popular in political philosophy, largely owes its entrance into the modern political vocabulary to the efforts of Antonio Negri, the Italian philosopher. His research from the 1980s and 1990s gave rise to a synthetic philosophical theory that views multitude as a key element in the political struggle of the left, thereby giving a theoretical impetus to a rebirth of the seemingly forgotten concepts of political philosophy. The article attempts to analyze the formation of the political logic of multitude and demonstrates how this phenomenon became part of the Marxist criticism of the modern society.

The first part of the article traces how the idea of multitude as a positive element of politics grows out of the materialist interpretation of Baruch Spinoza. According to the author, Negri by interpreting Spinoza as a “savage anomaly”

laid a theoretical foundation for the entire modern discourse of multitude. The conceptualization of the differences between the notions of *potentia* and *potestas* made it possible to distinguish between multitude and the people. The people can be seen as an element of potestas — political power that mediates relations between people by introducing the principle of transcendence in the form of representation and the figure of a sovereign. In contrast to the people, multitude with its collective power-potentia embodies a collective plan of immanence that resists representation i.e., a subject of constituent power that does not need representation.

The second part of the article is devoted to the analysis of the class approach to multitude, which appears in the works of Negri co-authored with Michael Hardt, where the ontology of multitude is transformed into a political project based on the understanding of class as a political subject that opposes the global capitalist world order.

Keywords: multitude, political philosophy, Antonio Negri, Baruch Spinoza, Empire, class

References

Baudrillard J. (2000) *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social]. Ekaterinburg: Iz-vo Ural'skogo universiteta. (In Russ.)

“Boris Kagarlitsky vs. Oleg Kildyushov: Majkl Hardt, Antonio Negri. Imperija” [Boris Kagarlitsky vs. Oleg Kildyushov: Michael Hardt, Antonio Negri. Empire]. (2004) // *Kriticheskaja massa* [Critical Mass], no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2004/3/boris-kagarliczkij-vs-oleg-kildyushov-majkl-hardt-antonio-negri-imperiya.html> (accessed on 01.06.2020). (In Russ.)

Deleuze G. (2016) *Leksii o Spinoze: 1976—1981* [Spinoza: 1976—1981]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Goddard M. (2011) “From the Multitudo to the Multitude: The Place of Spinoza in the Political Philosophy of Antonio Negri” // Lamarche P., M.Rosenkrantz, and D.Sherman, eds. *Reading Negri: Marxism in the Age of Empire*. Chicago: Open Court Press: 114—133.

Hardt M. and A.Negri. (2002) *Impero: Il nuovo ordine della globalizzazione*. Milano: Rizzoli.

Hardt M. and A.Negri. (2004) *Imperija* [Impero]. Moscow: Praksis. (In Russ.)

Hardt M. and A.Negri. (2006) *Mnozhestvo: Vojna i demokratija v epokhu Imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Kul'turnaja revoljutsija. (In Russ.)

Hardt M. and A.Negri. (2019) “Empire: Twenty Years on” // *New Left Review*, no. 120: 67—92. URL: <https://pdfslide.net/reader/f/empire-twenty-years-on-new-left-review-120-nov-dec-2019-67-michael-hardt-> (accessed 31.05.2020).

Machiavelli N. (2018) “Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio” // Machiavelli N. *Tutte le opere*. Bompiani: Il pensiero occidentale: 305—696.

- Morfino V. (2014) “The Multitudo according to Negri: On the Disarticulation of Ontology and History” // *Rethinking Marxism*, vol. 26, no. 2: 227–238.
- Negri A. (1991) *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza’s Metaphysics and Politics*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Negri A. (2004) *Subversive Spinoza*. Manchester: Manchester University Press.
- Negri A. (2006) *L’anomalia selvaggia: Spinoza sovversivo Democrazia ed eternità in Spinoza*. Roma: DeriveApprodi.
- Ortega y Gasset J. (2002) *Vosstanie mass* [La rebelión de las masas]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Shapiro K. (2003) “The Myth of the Multitude” // Jodi D. and P. Pas-savant, eds. *The Empire’s New Clothes*. New York, London: Routledge: 291–317.
- Spinoza B. (2006) “Politicheskij traktat” [Tractatus politicus] // Spinoza B. *Sochinenija: V 2-kh t.* [Works: In 2 vol.]. Vol. 2. St Petersburg: Nauka: 247–330. (In Russ.)
- Spinoza B. (2016) *Etika* [Ethica, ordine geometrico demonstrata]. St Petersburg: Azbuka-Klassika, Non-Fiction. (In Russ.)
- Tretyak A.R. and N.N.Tinus. (2019) “Politicheskaja logika „multitudo“ v rabotakh Gobbasa i Spinozy” [Political Logic of “Multitudo” in the Works of Hobbes and Spinoza] // *Politeia*, no. 4 (95): 6–24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4\(95\)-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-4(95)-6-24.pdf) (accessed on 21.08.2020). (In Russ.)
- Virno P. (2013) *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [Grammatica della moltitudine: Per un’analisi delle forme di vita contemporanee]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Zaru E. (2019) *La postmodernita di “Empire”: Antonio Negri e Michael Hardt nel dibattito internazionale 2000–2018*. Milano: Mimesis.